

Н. В. ПЕТРОВ
(МОСКВА)

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ О РУСАЛКАХ НА РУССКО-БЕЛОРУССКОМ ПОГРАНИЧЬЕ (НОВЫЕ ЗАПИСИ)¹

Аннотация. В статье рассматривается мотивный состав текстов о русалках, записанных в Велижском районе Смоленской области в 2013 г. Автор показывает, что кажущиеся устойчивыми мотивные комплексы могут изменяться в связи с новыми условиями, в которых происходит трансмиссия текста (иная социальная среда, воздействие информации, почерпнутой из СМИ и школьного образования, влияние вопросов фольклористов). Выделяются две тенденции: 1) сужение круга традиционных персонажей актуальных верований и сюжетно-мотивных комплексов; 2) изменение референтной мифологическим представлениям реальности, что влияет на модификацию языка описания того или иного явления связанных с этими персонажами. В приложении к работе публикуются вопросы собирателей и записанные тексты.

Ключевые слова. Мифологическая проза, русалки, пограничье, трансмиссия, адаптация, школьное знание, мотивы.

Сведения об авторе. Никита Викторович Петров, кандидат филологических наук; Российский государственный гуманитарный университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

Работа написана в рамках проекта, который направлен на исследование принципов фольклорного билингвизма в этнокультурной зоне русско-белорусского пограничья. При этом основное внимание сосредоточено на трансформациях различных форм и жанров верна-

¹ Статья написана в рамках работы над проектом «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире» (РГНФ-БРФФИ № 15-24-01004).

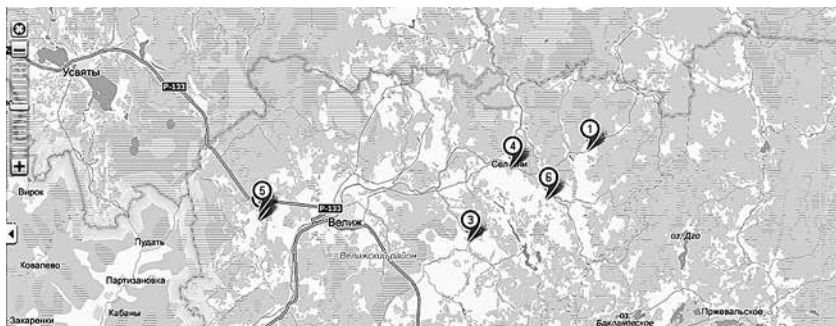
кулярной культуры, рассматривается влияние на нее внешних факторов — своего рода фона бытования традиционной культуры в меняющемся мире. Процессы трансмиссии мифологических текстов в современной среде русско-белорусского пограничья в настоящий момент не полностью прояснены: исходя из наблюдений исследователей, можно отметить две разновекторные тенденции.

Первую тенденцию можно описать как сужение круга традиционных персонажей актуальных верований и сюжетно-мотивных комплексов, связанных с этими персонажами. Последние записи демонстрируют отсутствие системных представлений о домовых и леших — казалось бы, наиболее распространенных персонажах крестьянской мифологии. В Могилёвской и Витебской областях Белоруссии нет сколько-нибудь единых комплексов мотивов, связанных с рusalками (судя по результатам нашей экспедиции 2014 г.; см. обзорный материал: Кухтина, Савина 2015). Другими словами, современное состояние мифологических текстов может быть связано с понятными изменениями в социуме, которому принадлежит изучаемый фольклористами объект: устные рассказы несказочного характера и мифологическая информация не запоминаются и не передаются ни в эзотерической форме (для «своих»), ни в экзотерической (для «чужих» — детей, «новичков» — недавно приезжих или не знакомых с традицией людей, например собирателей)². Это происходит, поскольку принципиально изменилась межпоколенческая мобильность членов социума, по-другому устроен социальный лифт, трансформировалась регулирующая их поведение информация, вытеснив «материнские» рассказы из системы коммуникации.

Вторая тенденция связана прежде всего с изменением референтной мифологическим представлениям реальности, что влияет на модификацию языка описания того или иного явления. Так, мифологические тексты из «активно-коллективных» (в терминах П. Г. Богатырева) становятся, что называется, «пассивно-массовыми». Используя этот окказионализм для обозначения второй тенденции, я имею в виду следующее: в текстах, транслируемых носителями традиции, все большую роль играют индивидуальная интерпретация медийных и художественно обработанных образов, личное отношение, а не некий «стандарт» или типизация, обусловленные цензурой традиции.

Не очень ясно, какой из описанных выше процессов является ведущим. Анализ небольшого количества экспедиционных записей (всего

² В середине XX в. о процессе трансмиссии фольклорных текстов с необычайной ясностью написал К. В. Чистов. Он говорил о двух типах рассказов, включающих представление и связанный с этим представлением объяснительный сюжет — «материнский» и «дочерний», — которые передают различные виды информации (утопическую, мифологическую, религиозную) в экзотерической и, соответственно, в эзотерической форме (Чистов 2003: 35), см. об этом чрезвычайно меткие рассуждения в работе А. А. Панченко (Панченко 2012: 254–255).

Карта 1. Русалки в Велижском районе Смоленской области (создана с помощью поисково-информационного картографического сервиса Яндекс). 1 — пос. Шумилово, 2 — д. Холмы, 3 — д. Погорелье, 4 — д. Селезни, 5 — д. Будница, 6 — д. Аюнасково

записанного материала о русалках) скорее показывает доминирующую роль первой тенденции.

Шесть мифологических рассказов о русалках, публикуемых в приложении к работе, были записаны в ходе экспедиции 2013 г. Российского государственного гуманитарного университета в Велижский район Смоленской области, граничащей с Тверской и Псковской областями России и с Витебской областью Белоруссии (см. карту 1).

В сюжетные комплексы мифологической прозы этого пограничного региона вписываются широко распространенные (в том числе и на пограничье) нарративы о летающем змее, приносящем богатство, о ведьмах, собирающих росу, чтобы отнять молоко у коров (мотив «что куме, что и мне» — ср. мотив № Г.1.22 в указателе Зиновьева; Зиновьев 1985), тексты о *доброхожих*, мифологические рассказы о домовых и т.п.³ Записанные нами рассказы о русалках — это в основном несюжетные тексты, не мемораты и не фабулаты. Строго говоря, эти тексты как раз и показывают, как изменяется мифологическая проза, каким образом транслируется мифологическое знание.

В данной статье (помимо мотивного анализа мифологических текстов) я хочу хотя бы в первом приближении сформулировать, каким образом формируется знание о мифологических персонажах, как оно адаптируется под воздействием СМИ, школьного образования и вопросов фольклористов. Таким образом, работа состоит из двух частей и приложения: в первой анализируется изменение в трансляции мифологического знания о русалках, во второй рассматриваются мотивы текстов о русалках, в приложении публикуются вопросы собирателей и записанные тексты.

³ См. публикации по фольклору и языку русско-белорусского пограничья, выполненные участниками проекта: Белова 2014; Мороз 2014; Петров 2014; Петрова 2014.

I

«Жизнь» (место в жизни, или *Sitz im Leben*, в терминологии Иоганна Фридриха Германа Гункеля) фольклорных текстов и традиционных мифологических образов, обрядовых форм и актуальных верований (т.е. цели и условия их функционирования и применения) в современном социокультурном пространстве русско-белорусского пограничья отчасти позволяет описать механизмы адаптации этих фольклорных форм. Откровенно говоря, записи рассказов о русалках — это совместный конструкт собирателей и информантов: практически все тексты, записанные нами, представляют собой реакцию на вопрос фольклористов, «неактуальный продукт», который не пользуется спросом в данном сообществе. Медиатизация современного сельского мира и влияние школьного образования приводят к изменению языка, образной системы, сюжетного уровня мифологии и обрядности. Под воздействием популярной литературы и медиапубликаций развлекательного, краеведческого или мистического характера традиционные образы, термины, мотивировки и сюжеты деформируются или даже подгоняются под «медиастандарт», который нередко носителями традиции рассматривается как более авторитетный, чем их собственная система верований. В этом смысле чрезвычайно показателен диалог собирателей с девочкой (Григорьева Анжела, 2003 г.р., род. в Смоленске, на лето приезжает в Велижский район в д. Шумилово к бабушке и деду), которая замечательно знает обрядовую традицию, но в ответ на вопрос о мифологических персонажах рассказывает увиденное ею по телевизору или услышанное от школьной учительницы:

[Говорили, что на Святки кто-то может утянуть в воду?] [АВА:] Не, не говорили... как так. [ГА:] Водяной вроде. [Водяной?] Да, у него ру... русалки. Это его дочки. [Кто это рассказывал?] Мне Светлана Евгеньевна. [Кто это?] Моя учительница в Смоленске.

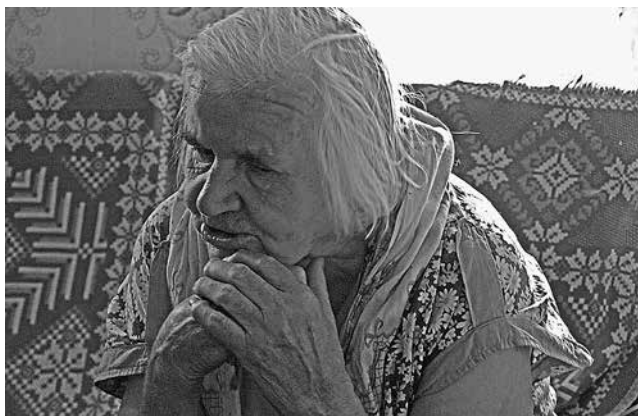
В этой оптике можно рассматривать и традиционные мотивы о русалках, например, содержательный ряд, касающийся внешнего вида этого персонажа (см. формулировку мотива Л. Н. Виноградовой и Е. Е. Левкиевской: «Русалки выглядят как красивые молодые девушки; как девушки-невесты (в венках с лентами, с фатой на голове, с распущенными волосами)» (НДП (2): 472). Согласно нашим записям, этот содержательный элемент, вероятно, мотивирован не только сохранившимися традиционными представлениями, но и визуальным обликом русалки, связанным в восприятии информанта с диснеевскими мультфильмами и детским школьным творчеством:

[Говорят, у них волосы какие-то растрепанные?] Ну, волосы, дак их же рисуют ещё. Во... волосы сидят, длинные такие волосы (№ 1).

Другое явление, которое чрезвычайно показательное, — это переход рассказов, отражающих актуальные верования, из линейки нарративов с установкой на достоверность в разряд маргинальных (шуточных или развлекательных) и сохранение статуса достоверности других текстов. Происходит размежевание нарративов об обрядовых практиках, предписаниях, запретах, регулирующих поведение в определенные дни или в определенных местах, о мифологических персонажах (мытьё в бане в Великий четверг до восхода солнца, избавление от засилья кротов в огороде, наблюдение за шествием мертвых на ночную пасхальную службу или подкармливание чертей на Пасху возле озера, рассказы о русалках) и текстов, связанных с работой в праздники. Тексты первой группы осмысливаются как «детские», связанные с ранним опытом, а практика удревняется («это делали очень давно, в детстве, мы так не делаем»). Тексты второй группы («нельзя работать в праздники, а то случится несчастье») имеют статус достоверных историй, которые подкрепляются конкретными примерами из современной жизни («недавно произошло с соседом»). Мифологические рассказы о русалках, записанные в Велижском районе, демонстрируют первую тенденцию — переход их в статус неактуальных, недостоверных нарративов («Это присказки ўсё, я ж никогда их не видела этих русалок, не знаю» — № 1), иногда связанных с ранним (детским) опытом («...больше как-то раньше пугали, вот старшие или ль детей больше пугали. Так. И больше б... верили, сейчас же вот скажи что-нибудь там, чи чорты, ти русалка, что, дети сейчас не веруют, а раньше верили всему этому» — № 2). Особенно интересен в этом отношении текст, в котором виденье мифологического персонажа, наблюдение за ним приписывается больной женщине, т.е. приравнивается к галлюциногенному опыту:

Но ина забалеўша была, вот табе и русалки предавались, и ўсё <...> Так вот я про русалок... чэловек был забалеўший, вот ей и русалки предавались, говорит, тут русалки, козы еты заграбают от меня, гонит... (№ 5).

Все описанные выше случаи относятся к конкретному личному опыту собирателя, который необязательно экстраполировать на все тексты о мифологических персонажах, тем более что часть из этих персонажей (например, домовые или черти) вполне находят себе *Sitz im Volksleben*. Однако тексты о русалках (их речевое обрамление) явно показывают, что этот персонаж для тех информантов, которых мы опрашивали, не является ни актуальным, ни достоверным. Ср. материалы непосредственного наблюдения за жизнью фольклорной традиции в Полесье: «На период сбора материала (экспедиции 1970–1990-х гг.) поверья о русалках в Полесье сохраняли

А. М. Версина из д. Будница. Фото А. Б. Мороза

достаточно высокую степень актуальности. Многие из информантов (преимущественно женщины старшего возраста) уверяли, что лично встречались с русалками, что их близкие умершие родственники появлялись в виде русалок или что одна из русалок провела зиму в их доме» (НДП (2): 471).

II

Диахронный анализ фольклорных текстов («народная Библия», мифологические и легендарные нарративы XIX — начала XXI в.) на материале фундаментальных собраний сказочной прозы рубежа XIX–XX вв. (записи В. Н. Добровольского) и современных полевых записей (Гомельская, Витебская, Могилёвская области Белоруссии, Смоленская и Брянская области России) показывает, что происходят процессы «распыления» традиционных сюжетов, раньше более или менее равномерно расположенных по всей изучаемой нами территории белорусско-русского пограничья, и образования устойчивых микролокальных фольклорных комплексов. Важно понимать одну тенденцию — принципиальную ограниченность одних сюжетов рамками отдельного региона, деревни (и более узко — рамками семьи и отдельного исполнителя) и живучесть других. Например, одной из подтвержденных в ходе экспедиции 2013 г. специфических фольклорных характеристик Велижского района Смоленской области — отличающей его от севернорусской и сближающей с белорусской (витебской) традицией — является распространенность развитого купальского обряда, включающего как собственно обрядовые действия, так и песенный фольклор, а также мифологические рассказы об активизации демонических персонажей в купальский период. Во многом в связи с этим тексты

о русалках можно включить в «демонологический пантеон» витебско-смоленского ареала⁴.

В этом разделе работы я опишу содержание записанных текстов о русалках, т.е. проанализирую мотивный ряд. К аутентичности некоторых мотивов следует относиться с настороженностью: они во многом появляются в тексте за счет вопросов собирателей.

1. Первый ряд мотивов связан с происхождением русалок. В Велижском районе Смоленской области русалки — утонувшие девушки (утопленницы превращаются в русалок):

Это, говорят, деўка вот одна... чы утопилась, она была, и присказка, и она превратилась будто в русалку, эта деўка утопленница, стала русалкой. Вот это в этой присказке (№ 1).

Собственно, эта группа мотивов сближается (и, вероятно, ею и обусловлена) с другими — локативными (русалки обитают в воде, у воды) и акциональными мотивами (русалки могут утопить людей, затянуть в воду).

2. Облик русалок: русалки представляются в виде девушек/женщин с длинными черными волосами, без одежды. В отличие от полесских, велижские русалки предстают только в женской ипостаси, в качестве опознавательного знака выступают распущенные волосы. «Имеет рыбий хвост» — это стереотипное описание для русалки, вероятно, обусловленное как книжными влиянием, так и медиаформатом ее изображения.

Хвост у ней рыбий, рыбий, волоса длинныи-длинныи. [БТМ:] А запутанные. [ЕНМ:] Чёрные. Так вот. Так это рассказывают, вроде видишь и одну. Я не видела ни разу (№ 2).

Русалка и всё. А... так рассказывали: красивая девица, очень длинные чёрные волосы (№ 3).

Красивая, только волосы распустивши. И голая (№ 4).

3. Сезонное появление русалок. Велижские русалки появляются в день, когда цветет папоротник / в день Ивана Купалы, что сближает

⁴ В этой связи см. работу А.А. Ивановой, которая публикует и анализирует тексты про русалок из Куйбышевского района Калужской области и приходит к выводу, что эти материалы в целом характерны для зоны брянско-калужско-смоленского пограничья и вообще представляют собой разветвленную систему поверий и нарративов, что не в последнюю очередь связано с особой значимостью для этой зоны календарного цикла троицко-купальского периода (Иванова 2015: 41 (со ссылкой на: Пашина 1998, без указания страниц)).

Е. Ф. Евстигнеева из д. Апанасково и собиратель Н. С. Петрова. Фото А. Б. Мороза

их с русалками в Полесье⁵ и, как уже говорилось выше, связано с общим смоленско-витебским комплексом мифологических мотивов.

Ну, каждый раз её не увидишь («...» Ой, к... кода папоротник цветёт, когда цветёт папоротник, это я уже не помню. [БТМ:] А папоротник кода к... цветёт? На Иван Купала, не? [ЕНМ:] Да, по-моему, на Ивана Купала. [БТМ:] Один раз в скока лет. [ЕНМ:] Он же раз в году только цветёт, вот тогда и... русалками пугаешь. Всё (№ 2).

А я не знаю, где ина ходит, русалка. Всё... всё это в коляду. То есть, на Ивана... ну, это... ў Купаленку. Та... это ж коляда, а это Купаленка, перед Иваном (№ 3).

В отличие от времени появления, время исчезновения русалок, ухода их в потусторонний мир в записанных текстах не фиксируется.

4. Место появления русалок, место обитания русалок: русалки прячутся во ржи, водят во ржи / русалки обитают в воде, у воды. Комплекс локативных мотивов связан как с темпоральными содержательными элементами (русалки появляются в день Ивана Купалы), так и с мотивами об их происхождении (русалки — утонувшие девушки).

И яна, говорит, теперь ўсё то ў воде, то ў... прячутся во ржи (№ 1).

Ну, русалки, больше в воде они (№ 2).

⁵ Впервые определенно о сезонности появления русалки написала Л. Н. Виноградова (Виноградова 2000: 144 и далее).

5. Вредоносные действия русалок. Эта группа мотивов реализуется в записанных текстах одним мотивом (косвенно связанным с представлением о том, что русалка может пугать — см. мотив: взрослые запугивают детей русалками) — русалка может завести в воду, и человек утонет:

Ну, это будто говорят, что теперь эта русалка, коли кто утопится, то это будто яна затягивает (№ 1).

[Когда] купались, могут русалки завести, можешь утонуть (№ 2).

6. Интересен для рассмотрения окказиональный мотив: след русалки — сбитая роса на траве:

Тут русалка, тут йим [козам] ходить не даеть, тут роса ўся сбита (№ 5).

7. Распространены и мотивы пугания детей русалками — ими пугают детей, чтобы те не купались:

Раньше же говорили: «Не купайся, там русалка». <...> Не купайся, а то русалка утянет. Ну как больше, больше как-то раньше пугали, вот старшие или ль детей больше пугали. Так. И больше б... верили, сейчас же вот скажи что-нибудь там, чи чорты, ти русалка что, дети сейчас не верют, а раньше верили всему этому (№ 2).

Детей пугаем, не бегайте на речку, а то русалка схватит. <...> А вот русалками мы детей пугали. [Что на речку нельзя?] Да, они ж одне идут на речку. Ну. «Подождите, я справлюсь, потом повяду вас на речку». — «Ну некогда, надо идти». Ну, я говорю: «Идите, пусть русалки вас утянут в реку». Тады сядут, не пойдут (№ 3).

Таким образом, в велижских текстах о русалках можно выделить 7 мотивных комплексов: 1) происхождение русалок (утонувшие девушки); 2) облик русалок (девушки с длинными черными волосами без одежды); 3) распознавание русалок (сбитая роса на траве — знак того, что здесь была русалка); 4) сезонное появление русалок (появляются в день цветения папоротника / день Ивана Купалы); 5) место появления / обитания русалок (прячутся во ржи, водят во ржи / обитают в воде, у воды); 6) вредоносные действия русалок (заводят человека в воду / топят человека); 7) запугивание русалками (взрослые пугают детей, чтобы те не купались).

III ТЕКСТЫ О РУСАЛКАХ

№ 1. [Говорят, здесь русалки во ржи есть?] Русалки? [Что они во ржи прячутся?] А, это ўсё присказки, мы ж никоды их не видели. [А что про них говорили?] <...> Это говорят, что это русалки, что яны... это утопленница была бы та деўка какая и <...> превратилась в русалку, ну. И яна,

говорит, теперь ўсё то ў воде, то ў... прячутся во ржи. Это присказки ўсё, я ж никогда их не видела этих русалок, не знаю. [Говорят, у них волосы какие-то растрепанные?] Ну, волосы, дак их же рисуют ещё. Во... волосы сидять, длинные такие волосы. Это, говорят, деўка вот одна... чы утопилась, она была, и присказка, и она превратилась будто в русалку, эта деўка-утопленница, стала русалкой. Вот это в этой присказке. А правда это или неправда... [А где она утопилась?] Ну, я ж не знаю, где яна уто... Это где-то, это присказка такая, что утопилась будто, и она превратилась в ету, вот. [Не говорили, что она парней молодых затягивает?] Ну, это будто говорят, что теперь эта русалка, коли кто утопится, то это будто яна затягивает. Опять же это чы правда, чы неправда, я ж не знаю, я ж не знаю. Это присказки всё такие, всё присказки, ну а что делать [БАС].

В. С. Рутарёва из д. Селезни.

Фото А. Б. Мороза

№ 2. [А что говорили про русалок?] Про них... купа... купались, могут русалки завести, можешь утонуть. <...> Тоже оберегаться надо от русалок. [Где они живут?] Ну, русалки... [БТМ:] В воде. [ЕНМ:] Ну, русалки, больше в воде они. [В воде?] Да, больше в воде. Русалки, ну... [БТМ:] Раньше же говорили: «Не купайся, там русалка». [Пугали так?] Да. <...> [ЕНМ:] Не купайся, а то русалка утянет. [БТМ:] А какая она русалка: с длинными волосами с распущенными, так объясняли. [ЕНМ:] Хвост у ней рыбий, рыбий, волоса длинны-длинны. [БТМ:] А запутанные. [ЕНМ:] Чёрные. Так вот. Так это рассказывают, вроде видишь и одну. Я не видела ни разу. [Она страшная?] Ну вот така, конечно, страшна, если видишь, что рыбий хвост, в... а волоса длинные, тоже что-то э... страшное такое. [Не рассказывали, откуда они такие появились?..] А вот так... [С рыбьими хвостами?] А откуда они появились, так не знаю. [Русалку можно видеть в любое время или на какой-то праздник?] Нет, на праздник на какой-то, ай, как от его, забыла уже, какое название. Ну, каждый раз её не увидишь. [А когда?] Редко. [Летом?] Ой, к... кода папоротник цветёт, кода цветёт папо-

ротник, это я уже не помню. [БТМ:] А папоротник кода к... цветёт? На Иван Купала, не? [ЕНМ:] Да, по-моему, на Ивана Купала. [БТМ:] Один раз в скока лет. [ЕНМ:] Он же раз в году только цветёт, вот тогда и э... русалками пугаешь. Всё. [А что, папоротник цветет и с ним что-то делать надо?] А... что делать... [БТМ:] Кто увидит, какое-то есь тоже <...> предсказание. [ЕНМ:] Какой-то приговор, тоже не помню, какой. [БТМ:] Если увидишь цветущий папоротник... Бегали ж раньше искали цвяток папоротника. [ЕНМ:] Да, его очень трудно найти. [Не говорили, что русалки в жите сидят?] Не, в жите не, в жите русалка... Ну как больше, больше как-то раньше пугали, вот старшие или ль детей больше пугали. Так. И больше б... верили, сейчас же вот скажи что-нибудь там, чи чорты, ти русалка что, дети сейчас не верют, а раньше верили всему этому. [БТМ:] И не бояся. [ЕНМ:] То ли, то ли этими яны пугали, чтоб они не баловались. Вот такое было. [А не пугали никем, кто в колодце сидит?] Пу... да, чёрт там. Ну там чёрт, не ходи туда-то, дам чё... Больше чёртом пугали. [А что черти какие-то в красной одежде не говорили?] Ну, чёрт, это же мы знали, что он страшно, в такой одежде в страшной какой-то, ну страшной, не именно ў красной, а просто в страшной такой. Оборванный чёрт.

№ 3. [Про русалок ничего не рассказывали?] Детей пугаем: «Не бегайте на речку, а то русалка схватит». А хто... [смеется] хто русалка, что такое, мы и сами не знаем. <...> А вот русалками мы детей пугали. [Что на речку нельзя?] Да, они ж одне идут на речку. Ну. «Подождите, я справлюсь, потом повяду вас на речку». — «Ну некогда, надо идти». Ну, я говорю: «Идите, пусть русалки вас утянут в реку». Тады сяду, не пойдут. [Никто не видел этих русалок?] Нет. [А как детям объясняли, кто такая русалка?] Русалка и всё. А... так рассказывали: красивая девица, очень длинные чёрные волосы. Вот это была русалка. Так мы им говорили, что они хватали детей и утаскивали в воду, туда, далеко [РВС].

№ 4. [Про русалок не слышали?] Ну, это ж ўсё ў Коляду. <...> То есь ўсё на Купаленку русалки ходют. <...> [А где она ходит?] А я ж не знаю, где ина ходит [смеется]. <...> а я не знаю, где ина ходит, русалка. Всё... всё это в Коляду. То есь, на Ивана... ну, это... ў Купаленку. Та... это ж Коляда, а это Купаленка, перед Иванов. [А русалка — это кто?] Такая же... женщина молодая, косы, волосы распустивши. Всё, гърят, показывают, в воде ина, всё показывают... у воды где-нибудь там. Это ж всё сказки, може[т]. Это, може[т] сказки, я ж не знаю. [А что рассказывают?] Ну, а хто-нибудь... хво... и книжка же есь, такие русалки, сказки были. Мы ж это не знаем. Да сказки, да и всё. Я так думаю. [А она страшная?] Красивая, только волосы распустивши. И голая. [Голая?] Да [смеется] [ВАМ].

№ 5. [Не рассказывали про женщину, которая сидит на берегу и волосы чешет?] Это русалка, как говорили раньше... Не, такое... ну, раньше ўсё было... ну, не знаю, <...> я ня видела, и не знаю, и это я не знаю. Только так, слышала, это я не знаю... [А раньше слышали что?] Русалки какие-то... Может, человек болеет, и яму предаётся... <...> Ладно. Погляжу... а знаю, что ў Рудне ў двух женщин козы есть. А я, вроде так и подумала, про козэй. Погляжу, кто козэй пасит. Вдали так, думаю, то ли Нинка, то ли Пашка. <...> Коровы мои ходят хорошо, встала там, пойду ближе, думаю. Пойду познакомлюсь. А говорили, что... которая женщина одна из йих, козэй держить, сказали, ина... ина у нас торговала. Умная женщина, настоящая. Сказали, ина дурит, дурная. И я пошла. Думаю, кто пасёт козэй. Прихожу, Нина пасёт. Я говорю... Нинка ея зовут. Я говорю: «У, Нина, ты со своим тут питомцем. Ти много у тебя тут доитса?» Ладно, козэй так... А ина как заговорила мне, там, ни то, ни сё. «Тут русалка, тут йим ходить не даёт, тут роса ўся сбита» <...> Но ина заболёўша была, вот тебе и русалки предавались, и ўсё <...> Так вот я про русалок... человек был заболёўший, вот ей и русалки предавались, говорит, тут русалки, козы еты загребают от меня, гонит... Тут русалки, тут йим ходить не дают. Тут роса ўся сбита. Я поглядела, больше я ей ничаво не сказала, развярнулась, и ушла. Так вот, так яны и всё. Может, человек не в своём уме, а другие подхватят, и всё, вот тебе и русалки. [Это она говорила, что это были женщины с волосами?] Нет, это та раньше говорили, русалки какие-то были. Только я говорю, что ина была заболёўши, и ей тоже казались русалки. Ну, а... я не знаю. Мяне Бог миловал. И... помилуй Бог, ўсё... только так сказать... Дай Бог, лучше видеть добрых людей, а не русалок <...> Не надо мне это, я и говорить это не хочу даже [ЕЕФ].

№ 6. [Соб.: Была какая-то байка, что во ржи...] [БВТ:] Живут. Ага, во ржи водятся ето... погоди. Как-то говорили. [Задумалась.] Помогите. [Русалки?] Русалки. <...> Ну это тоже ранёшны байки. «Да дай его, на его» — да убежать [смеется]. А вот придумывает один одному. [Как это было? Пугали?] Ну неужели. Один одного [смеется]. [Что это за русалки?] [ГА:] Э... не могу вспомнить. [БВТ:] А русалки, бывало ж... Могли дъ... раньше так наши даже и родители могли одеться. Чтo-нибудь ў страшное. [АВА:] Волосы распушит... [БВТ:] Да... да прийти, да... чтоб мы так нервничали. А тогда з жита выскочит, то[г]да во несесься [несёшься] [смеется]. Ой, ё Боже мой! [Вы сказали, что волосы были распущенные?] Да, да. [АВА одновременно:] Да. [ГА:] Да, это же девушек так называли раньше с распущенными волосами. [Русалки?] Русалки, да. [Почему они именно во ржи сидят?] [БВТ:] Не знаю [усмехается]. [Что они могут сделать?] Да ничаво. Напугать да и всё [усмехается]. [АВА:] На... напугают [усмехается]. [БВТ:] Что они нам сделают? Ничаво.

Литература

Белова 2014 — *Белова О. В.* Несказочная проза Велижского района Смоленской области — общее и особенное в локальной традиции // Филологическая регионалистика. Научный информационно-аналитический журнал. 2014. № 1 (11). С. 7–16.

Виноградова 2000 — *Виноградова Л. Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

Зиновьев 1985 — *Зиновьев В. П.* Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985. С. 381–400.

Иванова 2015 — *Иванова А. А.* Русалки гуляют неделю духовскую // Живая старина. 2015. № 2. С. 40–42.

Кухтина, Савина 2015 — *Кухтина В. А., Савина Н. А.* Экспедиция на русско-болотское пограничье // Живая старина. 2015. № 3. С. 58–62.

Мороз 2014 — *Мороз А. Б.* Обряд венчания коров в Велижском районе Смоленской области // Живая старина. М., 2014. № 3. С. 3–6.

НДП (2) — Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX в. Т. 2: Демонологизация умерших людей / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 2012.

Пашина 1998 — *Пашина О. А.* Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998.

Петров 2014 — *Петров Н. В.* Былички Велижского района Смоленской области: клады и черти // Живая старина. 2014. № 3. С. 14–16.

Петрова 2014 — *Петрова Н. С.* Об одном мотиве купальских песен Велижского района Смоленской области // Живая старина. 2014. № 3. С. 7–9.

Панченко 2012 — *Панченко А. А.* Необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012.

Чистов 2003 — *Чистов К. В.* Русская народная утопия. СПб., 2003

Список информантов

АВА — Авдеева В. А., 1946 г.р., с. Будница; зап. Н. В. Петров, Н. С. Петрова.

БАС — Богова А. С., 1929 г.р., д. Холмы; Н. В. Петров, Н. С. Петрова.

БВТ — Бурова В. Т., 1957 г.р., д. Шумилово, Н. В. Петров, Н. С. Петрова.

БТМ — Бахтиярова Т. М. около 1956 г.р., д. Погорелье; зап. О. В. Белова, А. Б. Мороз.

ВАМ — Версина А. М., 1932 г.р., д. Будница; зап. О. В. Белова, В. А. Комарова, А. Б. Мороз.

ГА — Григорьева А., 2003 г.р., с. Будница; зап. Н. В. Петров, Н. С. Петрова.

ЕЕФ — Евстигнеева Е. Ф., 1935 г.р., д. Апонасково; зап. О. В. Белова, В. А. Комарова, А. Б. Мороз, Н. В. Петров, Н. С. Петрова.

ЕНМ — Ефимова Н. М., 1933 г.р., д. Погорелье; зап. О. В. Белова, А. Б. Мороз.

РВС — Ритарёва В. С., 1935 г.р., с. Селезни; зап. О. В. Белова, В. А. Комарова, А. Б. Мороз, Н. В. Петров, Н. С. Петрова.